

Мария ТИЛЬК

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЦЕХОВЫЕ ПРАВА РЕМЕСЛЕННИКОВ В ЭСТОНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В Прибалтике, в частности в Эстонии, цеховые организации ремесленников сложились еще в XIV—XV вв., т. е. до присоединения к России, причем сложились по образцу и подобию цеховой системы Западной Европы, во времена особого остзейского права. Эти местные особенности наложили свой отпечаток на то, что процесс разложения цеховой ремесленной системы и развития капиталистического предпринимательства протекал в городах Эстонии несколько иначе, чем в городах России.

В Прибалтике на протяжении ряда столетий сформировалась четко отлаженная цеховая система, с жесткой внутренней цеховой регламентацией, с предписаниями для отдельных категорий цеховой иерархии, с правилами, обязательными для всех и для каждого, с традициями и законами на все случаи жизни — начиная с приема в ученики и кончая похоронами мастера и размерами материальной помощи вдове и детям. Цехи были замкнутыми организациями, которые сами регулировали численность работающих.

Целью данной статьи является изучение законодательства Эстонии второй половины XIX в., касающегося ремесла и ремесленников. Задача осложняется тем, что на территории Эстонии имели силу три типа законов — общеимперские, местные остзейские и цеховые уставы. За первыми стояла верховная власть (но она была далеко — в Петербурге), за вторыми — местная власть остзейских немцев, за третьими — вековые традиции.

В конце XIX—начале XX вв. в России вышло немало трудов, где в той или иной мере затрагивалось положение ремесленников. В частности, главный инспектор по надзору за трудом малолетних Е. Андреев, задачей которого было разработать проект закона о малолетних, изучал условия их работы не только на фабриках, но и в ремесленных и кустарных заведениях¹. Один из первых фабричных инспекторов И. Янжуль, также хорошо осведомленный о действительном положении в ремесленных мастерских, приписывал именно деятельности Е. Андреева то обстоятельство, что закон о малолетних 1882 г. не распространился на ремесленных учеников². Ремесленников касались и авторы, изучавшие фабричное законодательство и положение формирующегося пролетариата³.

О положении ремесла в Остзейских губерниях много писали и сами остзейцы. Анализируя социальные и правовые вопросы⁴, они в целом

¹ Андреев Е. Работа малолетних в России и Западной Европе. СПб., 1884.

² Янжуль И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. Материалы по истории русского рабочего вопроса и фабричного законодательства. СПб., 1907.

³ Литвинов-Фалинский В. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. СПб., 1904; Быков А. Фабричное законодательство и развитие его в России. СПб., 1909.

⁴ Richter, A. Ueber die geschichtliche Entwicklung des Zunftwesens in den Ostseeprovinzen — namentlich Riga. — Inland, 1857, 9, 10; Zwingmann, V. Die Bewegung der russischen Gesetzgebung auf dem Gebiete des bürgerlichen Rechts. — Baltische Monatschrift, 1877, XXV; Geschichtliche Uebersicht der Grundlagen und der Entwicklung des Provinzialrechts in den Ostseegouvernements. St. Petersburg, 1845; Geschichte des Liv-, Est- und Curländischen Privatrechts. St. Petersburg, 1863; Das Gesetzgebungsrecht in Livland. Eine landesstaatliche Erörterung. Leipzig, 1873; Friedenthal, J. Die Entwicklung der Industrie in Estland bis zum Ausgang des 19. Jahrhunderts. — Beiträge zur Kunde Estlands, 1928, Bd. 14, Heft 2.

оправдывали цеховую систему. Ф. Заремба в своей диссертации, которая вышла отдельным изданием⁵, заявляя себя сторонником принципа свободной конкуренции и свободного труда, ратовал за некоторые изменения в цеховой системе, но не за уничтожение ее целиком. Основательному разбору подверг состояние дел в ремесле в середине XIX в. А. Штакельберг, возглавивший в 1859 г. Комиссию, учрежденную для пересмотра уставов фабричного и ремесленного⁶. Защищать основы цехового ремесленничества пытались и позднее — в период Эстонской республики⁷. Широко дискутировались высказывания А. Нольде⁸ по вопросу об особом остзейском праве. Из трудов советских историков о ремесленниках наиболее основательный принадлежит К. А. Пажитнову⁹. Показывая положение ремесленников, развитие ремесла и цеховой системы в России, он приводит материалы и по Остзейским губерниям, но они малочисленны и порой неточны. Моменты внутренней политики, характерные именно для Остзейских губерний, глубоко проанализировал М. М. Духанов. В своих трудах¹⁰ он рассматривает сущность остзейского права, подготовку разных законопроектов остзейцами, действия Остзейского комитета. Немалый вклад в изучение дачного вопроса внесло длительное и горячее обсуждение положения в Прибалтике на страницах русской печати 1860-х годов, основательно исследованной С. Г. Исаковым¹¹. История права в Эстонии рассмотрена Ю. Егоровым¹². На фоне обзора общего законодательства отдельные статьи, касающиеся ремесленников, вырисовываются яснее. Но, к сожалению, в советской эстонской историографии нет исследования, выявляющего изменение положения ремесленников на протяжении второй половины XIX в. и учитывающего влияние всех трех видов законов, действовавших в Прибалтике.

Для того чтобы понять правовое положение ремесленников Эстонии, как самостоятельных, так и несамостоятельных, необходимо изучить все три вида законов, сравнить отдельные статьи двух законодательств с отдельными параграфами цеховых уставов.

Первый вид законов — общеимперские — действовал по всей территории России, включая и Остзейские губернии, кроме тех случаев, «на кои поставлены местные узаконения, как изъятие из общих правил»¹³. Вторым видом — Свод Местных Узаконений Губерний Остзейских. Сравнивая эти два вида законов, нелегко сразу найти различия: та же обязательная выучка, те же требования к качеству работы, та же взаимопомощь. Единственное, что их различает — это 1014-я статья I части Свода Местных Узаконений, предоставляющая городскому магистрату права управления цехами, утверждения, изменения и дополнения уставов.

Третий вид законов — общие цеховые уставы, уставы объединенных ремесел и уставы отдельных цехов — явление сугубо местное, присущее

⁵ Заремба Ф. Рассуждение о цехах ремесленных. Дерпт, 1817.

⁶ Штакельберг А. Цеховое устройство и свобода промышленности в Европе. СПб., 1863.

⁷ Aidnik, E. Zur nationalen und sozialen Lage der deutsch-baltischen Handwerkstandes. — Baltische Monatshefte, 1934, Heft 5, 243—257; Aschkewitz, M. Der Niedergang des baltischen deutschen Handwerks im 19. Jahrhundert. — Baltische Monatshefte, 1937, Heft 9, 493—497.

⁸ Нольде А. Происхождение части текста действующего Свода Гражданских Узаконений Губерний Остзейских. СПб., 1912.

⁹ Пажитнов К. А. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952.

¹⁰ Духанов М. М. Остзейцы. Рига, 1978; Духанов М. М. К вопросу о политической платформе царизма в Балтийских губерниях в 60-х годах 19 века. — Уч. зап. Латв. ун-та, 1961, 40, вып. 4.

¹¹ Исаков С. Г. Остзейский вопрос в русской печати 1860-х годов. — Уч. зап. Тартуск. ун-та, 1961, вып. 107.

¹² Егоров Ю. История государства и права Эстонской ССР. Таллин, 1981.

¹³ Свод Местных Узаконений Губерний Остзейских. Ревель, 1845, ч. 1, ст. 1013, п. 38.

только Остзейским губерниям, издавна сложившееся по немецкому образцу. Русская ремесленная система никогда не знала столь детальной профессиональной регламентации и запретительных пут, как остзейская. Поэтому при столкновении обеих ремесленных систем порой возникали серьезные осложнения.

В качестве примера можно привести ситуацию, сложившуюся в Нарве, когда к ней присоединили Ивангород. В русской части города ремесленников было много, но они никогда не придерживались цеховой обязательности и не имели цеховых свидетельств. Поэтому по присоединении они попали в трудный переплет. Нарвские немецкие мастера не хотели их признавать до тех пор, пока те не отработают положенный для подмастерья срок. В частности, это больно задело кузнецов и хлебников-булочников-калачников. После долгих споров и недоразумений, жалоб и разбирательств вопрос был решен генерал-губернатором следующим образом: женатым русским кузнецам выдать свидетельства мастера, так как они должны кормить семью, а холостым пройти стаж ученичества у нарвских немецких кузнецов. Так же притеснялись и хлебники¹⁴.

Понятно, что все действовавшие во второй половине XIX в. законодательства уходили корнями в прошлые столетия. Так, цеховые уставы были составлены частично в XVII в. и даже раньше, а действовали и в конце XIX в. Не претерпело больших изменений и остзейское особое право. Переизданные во второй половине XIX в. общенеперские ремесленные уставы опять же почти без изменений повторяли более ранние. Поэтому необходимо рассматривать законодательство по меньшей мере на протяжении всего XIX столетия.

Начать следует с общеимперского Ремесленного положения 1785 г.¹⁵, которое очень долго (вплоть до закона 1866 г.) было опорным и для прибалтийских ремесленников. Советские историки, в той или иной мере изучавшие вопросы ремесленничества в Прибалтике в XIX в., считают, что этот закон отменил цеховую обязательность. Но внимательное изучение отдельных пунктов Ремесленного положения приводит не к столь однозначным выводам. Например, Ремесленное положение требовало: «...буде кто захочет производить ремесло... о том объявить Управе и представить свою работу... и по тому, какова работа признана будет, так и дать Управное дозволение производить работу»¹⁶. Значит, без согласия «записных мастеров» не обходилось никак. Отменой цеховой обязательности считается добавление к вышеприведенному тексту: «Управа же дневного пропитания работою никому запретить не может». Но при этом занимавшемуся тем или иным ремеслом для дневного пропитания запрещалось нанимать подмастерьев и учеников, а также называться мастером и иметь вывеску (п. 59). Эти правила распространялись на всех ремесленников, по ремеслам которых в городах имелись управы или цехи. Полная свобода обзаводиться мастерскими с учениками и подмастерьями предоставлялась только лицам с новым для города ремеслом. И стоило появиться пяти таким мастерам, как сразу создавался цех. Это было выгодно мастерам, так как закон был на их стороне, а не на стороне работающего ради дневного пропитания. А если прибавить к общеимперскому Ремесленному положению цеховые уставы всех ремесел эстонских городов, гарантирующих обеспечение работой и взаимную помощь, то легко убедиться, что систему цеховой обязательности в эстонских городах Ремесленное положение 1785 г. поколебало мало,

¹⁴ Soom, A. Tööstusest Eesti linnades 17. saj. esimesel poolel. — Linnad ja alevid, 1937, Nr. 1, 10.

¹⁵ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1785, изд. 1 (ПСЗ, 1), 22, № 16188.

¹⁶ Там же.

хотя «по букве закона» это и было так. Власть цехов оставалась практически всесильной. Это доказывают многочисленные судебные тяжбы ремесленников на протяжении второй половины XIX в. Итак, Ремесленное положение 1785 г. не внесло каких-либо качественных изменений в ремесленную жизнь Эстонии.

Но, с другой стороны, это положение способствовало быстрому количественному росту ремесленников. Такую возможность предоставлял п. 60. К середине XIX в. выросло количество входящих в цеховой оклад, но не записанных в цехи. Закон, как сказано, их почти не защищал, хотя в их пользу срабатывали противоречия в том же Ремесленном положении. Кроме разрешения заниматься ремеслом для дневного пропитания, оно гласило:

п. 138. Не запрещается никому записаться в посад города.

п. 140. Записанный в посад волен заводить станы всякого рода, и на них производить всякого рода рукоделие, без иного на то дозволения или приказа¹⁷.

Таким обходным путем пошли многие ремесленники. Нигде не расшифровывалось понятие «всякого рода рукоделие» и не отмечалось, чем оно отличается от ремесла. К тому же с развитием новых технических приемов возникали многие нетрадиционные ремесла (по требованию моды, по мере роста города и т. д.).

В 1799 г. был издан Устав цехов (взамен Екатерининского Ремесленного положения¹⁸). По Уставу, цехи разделили на три типа: ремесленные, рабочие и служебные. Было разрешено подмастерьям, живущим в городе у мастеров, брать у жителей старые вещи в починку за плату или наниматься на такую работу в свободное от мастерских время (п. 5). Записанный в цех подмастерье, живя за городом, пользовался правами мастера и получал от управы штемпель для готовых вещей (п. 4). За работу в городе без записи в цех полагалось наказание (п. 11).

После смерти Павла I Ремесленное положение 1785 г. было восстановлено, но и Устав 1799 г. остался в силе. Для привлечения ремесленников из-за границы указом от 12 августа 1818 г. предписывалось записывать прибывших исключительно в цехи иностранцев¹⁹.

В 1824 г. запретили ремесленникам из городских постоянное проживание в селениях, кроме как при фабриках и заводах²⁰. Это разрешалось только кузнецам, тележникам, колесникам, бондарям и обручникам, не представлявшим конкуренции городским ремесленникам. Но в том же году купцам всех гильдий было дозволено заниматься в городах, где они записаны, разными цеховыми ремеслами и держать для этого столько подмастерьев и учеников, сколько они сами считают нужным²¹. Этим была создана серьезная конкуренция городским ремесленникам.

Законом от 21 декабря 1827 г. разрешалось и дворянам без записи в гильдию иметь в городах домашние заведения или ремесла, с причислением их к соответствующим цехам²².

Законом от 5 февраля 1830 г. клеймение ремесленных и цеховых изделий, кроме особо поименованных, признано было необязательным²³.

В 1832 г. вышло первое издание Свода законов Российской империи.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ПСЗ, 1, 22, № 19187.

¹⁹ ПСЗ, 1, 22, № 27467.

²⁰ ПСЗ, 1, 39, № 30114.

²¹ ПСЗ, 1, 39, № 30115.

²² Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1827, изд. 2 (ПСЗ, 2), 2, № 1635.

²³ ПСЗ, 2, 5, № 3467.

11-й том его содержал Свод постановлений о промышленности — фабричной, заводской и ремесленной. По подсчетам К. А. Пажитнова, из 270 статей 142 содержали ссылку на Ремесленное положение 1785 г. и 101 — на Устав цехов 1799 г.; причем оставались противоречия и непоследовательность при разъяснении отдельных статей.

В 1845 г. было издано Уложение о наказаниях²⁴. Занятие ремеслом без соблюдения установленных правил стало уголовно наказуемым.

Все названные законы были действительны и в прибалтийских губерниях, ремесленники должны были с ними считаться. К тому же считаться с этими законами и опираться на них в спорных вопросах им было выгодно, во всяком случае подмастерьям и работающим в одиночку, так как местные цеховые постановления были еще жестче.

В 1845 г. были изданы первые две части Свода Местных Узаконений Губерний Остзейских, еще более укрепившие цеховую систему ремесленничества в Прибалтике.

Одна из статей Свода вменяла в обязанности магистрата «надзор за ремесленными цехами, снабжение цехов новыми уставами, отмену и пополнение существующих и издание с утверждения главного местного Начальника инструкций о предметах, касающихся торговли, и составление такс для промышленников»²⁵. Это и было самым важным «изъятием из общих правил». Городской магистрат стал полномочным хозяином во всех вопросах, касающихся ремесленников. Магистрат же состоял из бюргеров, уверенных в преимуществе цехового устройства ремесла. Отсюда и глубокая консервативность и приверженность магистратов к старым уставам, привилегиям и законам.

Сам магистрат опирался на Ревельский ремесленный устав от 19 сентября 1822 г., а тот, в свою очередь, — на устав короля Густава Адольфа от 3 марта 1626 г., предписывавший ремесленникам не только Таллинна но и всей Эстляндии руководствоваться шрагами гильдии св. Канута.

Ремесленный устав 1822 г. был утвержден «главным гражданским начальством» и приводился по решению магистрата в разных местах Свода Местных Узаконений «как источник прав, а затем имевший силу закона»²⁶.

Таллиннский магистрат, защищая свои права по отношению к цеховой системе и ремесленникам, уверял (это заявление было сделано магистратом в 1853 г. в связи с судебным разбирательством в Сенате дела об учреждении в Таллинне русского столярного цеха), что цеховое устройство как таковое незыблемо, что лишь такая система жизни и труда ремесленников вполне себя оправдывает, что «цеховые учреждения служат обеспечением как благосостояния гражданского и ремесленного сословий, так и удовлетворения публики, требующей работы. Учреждения сии способствуют если не отличному, то соразмерному и более единообразному зажиточному состоянию ремесленников, между тем как вольная промышленность, упираясь в денежные капиталы, производит несколько слишком богатых и множество бедных граждан... А где значительному народонаселению и по влиянию новейшего времени удавалось уничтожить цеховые учреждения и вводить свободную промышленность, там опыты доказали пагубные последствия сего изменения, и общества были принуждены, после допущенной вольной промышленности, восстанавливать цеховые учреждения»²⁷. Такие обоснования реше-

²⁴ ПСЗ, 2, 27, № 26171.

²⁵ Свод Местных Узаконений Губерний Остзейских, ч. I, ст. 1013, п. 38.

²⁶ Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) СССР, ф. 1287, оп. 37, д. 690, л. 19.

²⁷ Там же, л. 20.

ний Таллиннского магистрата вызывали в середине века, в 50—60-е годы, много протестов.

На помощь добивающимся вольностей ремесленникам пришел общеперский закон от 16 апреля 1852 г.²⁸ Этот закон имел целью упростить цеховую организацию в тех случаях, когда ремесленников в городских поселениях и местечках оказывалось немного. Упрощение заключалось в том, что лица, занимающиеся каким-либо ремеслом, не разделялись на цехи, а составляли в каждом городе, посаде или местечке одно ремесленное сословие под начальством одной управы. Это сословие разделялось на ремесленников, производящих какой-то товар самостоятельно, и на ремесленников, работающих у тех по найму. Первые не имели права называться в документах и на вывесках мастерами, другие — подмастерьями или ремесленными учениками. В ремесленники записывали мастеровых, имеющих самостоятельное хозяйство и достигших 21 года. Им предоставлялось право производить на местах те же изделия, что и городским мастерам, записанным в цех. Обе категории работников получали свидетельства из ремесленной управы.

Получивший такой документ мастер обязывался в течение месяца оборудовать мастерскую и нанять как минимум одного помощника. В противном случае он терял звание ремесленника. Работающий по найму не имел права заниматься ремеслом самостоятельно. В его свидетельстве отмечалось, что он действительно находится под началом того или иного мастера и тот отвечает за качество его работы. В ремесленные работники могли принимать и малолетних с согласия родителей.

Циркуляром от 19 сентября 1853 г. Министерство внутренних дел по соглашению с Министерством финансов, постановило: «Купцы могут заниматься цеховыми ремеслами посредством наемных работников без испытания в знании ремесла и без обязанности держать цехового мастера, принадлежа лишь по ремеслам своим к цехам, ... которые желали бы держать учеников, в таком случае обязаны они или выдержать испытание на звание мастера, или обязаны иметь у себя цехового мастера для обучения мастерству учеников»²⁹.

В 1856 г. подобным образом решили этот вопрос и относительно личных дворян³⁰.

В середине XIX в. в связи с развитием капиталистических отношений и ростом в городах капиталистической промышленности возник вопрос о различении ремесленных и фабричных заведений. Однако соглашения между ведомствами не было достигнуто. Вопрос был передан в Комиссию по пересмотру уставов фабричного и ремесленного. Ее председатель А. Штакельберг был сторонником отмены цеховой системы как отжившей свое время и тормозящей развитие промыслов и промышленности. В комиссии обсуждался вопрос о преобразовании ремесленной системы, но кардинальных изменений не последовало. Проект устава о промышленности, выработанный комиссией Штакельберга, не получил утверждения. Несомненно, что это было связано с общим реакционным курсом политики царского правительства, напуганного обострением классовой борьбы после реформы 1861 г. В правительственных кругах шла борьба двух течений в отношении цехового устройства: сторонников реорганизации цеховой системы и ее противников. Это отразилось и на новом Городовом положении 1870 г.

В 1864 г. была издана третья часть Свода Местных Узаконений Губерний Остзейских. Оба текста Свода — немецкий вариант, составленный Ф. Г. Бунге, и русский перевод М. Корфа — были утверждены

²⁸ ПСЗ, 2, 27, № 26171, прил.

²⁹ Пажитнов К. А. Проблема ремесленных цехов, 107.

³⁰ Там же, 109.

12 ноября 1864 г., опубликованы и получили законодательную силу.* По отношению к ремесленникам третья часть Свода не внесла никаких существенных изменений. Магистрат боролся за свои права в каждом новом деле и уверял, что Свод все-таки считается с уставом 1822 г.³¹

До 1866 г. магистрату удавалось часто настоять на своем. Лишь иногородние мастера выскальзывали из под карающей руки цехов. Фактическую силу цеховой системы, старых обычаев и страха организованных в цехи ремесленников остаться один на один с безжалостным и быстро развивающимся капиталистическим производством доказывает именно наличие Свода Местных Узаконений и цеховых уставов. В то же время армия внецеховых ремесленников постоянно росла. Прорыв цеховой системы подготавливался десятилетиями. В 50—60-е годы потребовались капитальные новшества. Напряжение усиливалось. Уже даже губернское начальство хлопотало за изменения в ремесленном праве³². После одного судебного разбирательства эстляндский губернатор писал министру внутренних дел (1865): «...я ходатайствовал перед господином министром финансов в испрошении Высочайшего разрешения на введение в Прибалтийском крае свободного производства ремесла и что с последованием этого разрешения устранен будет всякого рода повод к жалобам на исключительность ремесленных постановлений»³³.

4 июля 1866 г. был, наконец, издан закон: «Оставив действующие в Остзейских губерниях цехи, дозволить и лицам, незаписанным в цехи, без различия вероисповеданий, званий и состояний, свободное производство всякого рода ремесла и содержание промышленных заведений»³⁴.

Итак, лишь спустя 80 лет после выхода Ремесленного положения 1785 г. удалось в Остзейских губерниях в законодательном порядке установить равенство между ремесленниками и фактически ликвидировать цеховое принуждение. Ни один закон местного значения не упоминал внецеховых ремесленников. Значит, по местным законам они были вне закона и делали свое дело лишь благодаря не очень точным определениям в общеимперских законах. К тому же факт издания закона 1866 г. отдельно для Остзейских губерний тоже говорит сам за себя. Он нанес сильный удар по правам цехов, открыв тем самым путь свободному предпринимательству на капиталистических началах. Однако численность мастеров стала резко увеличиваться не сразу после вступления закона в силу, а лишь в 1872 г. — с началом экономического подъема. Следует при этом подчеркнуть, что твердой линии в отношении сословно-ремесленной организации правительством не было выработано ни в 70-е, ни в 80-е годы XIX в.

В 1879 г. был издан новый указ о промышленности, в частности и ремесленный устав³⁵. Но цеховая система опять же не претерпела коренных изменений. Вводились лишь частичные второстепенные поправки. Интересно отметить, что статья о продолжительности рабочего дня

* В 1869 г. при отчуждении земель под Балтийскую железную дорогу выяснилось, что в русском и немецком текстах имеются расхождения. Это явилось причиной ревизии Свода в Сенате. Последовало Высочайшее утверждение 16 ноября 1870 г., по которому вопрос был решен в пользу русского варианта текста. Немцы-остзейцы, а также эстонские юристы считали это неправильным, поскольку немецкий текст был оригиналом, а русский лишь переводом. А. Нольде и Н. Энгельман нашли более 50 статей, где перевод не соответствовал оригиналу, но тем не менее спорные вопросы решались в пользу русского варианта Свода.

³¹ ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 37, д. 690, л. 15.

³² ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 38, д. 564, л. 1—5.

³³ Там же, л. 2.

³⁴ ПСЗ, 2, 41, № 42455.

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 38, д. 1450, л. 15.

ремесленника в уставе 1879 г. восходит к Ремесленному положению 1785 г.

Городские магистраты, стоя на страже интересов цехов, не сдавались. Опираясь на тот же устав 1822 г., они не упускали любой возможности отказать в работе ремесленнику, не записанному в цех. И хотя судебные дела магистрат уже проигрывал и в конце концов должен был смириться с работой внецеховых ремесленников, с доводами магистрата в Сенате иногда все-таки считалось, в том числе и со ссылками на Ревельский ремесленный устав 1822 г. Внецеховые ремесленники выигрывали дела лишь тогда, когда Сенат мог опираться на общеимперский Ремесленный устав³⁶.

Статья 416 общеимперского Ремесленного устава 1879 г. вызвала, пожалуй, наибольшие возражения у остзейских городских магистратов и цехов, и они старались обходить ее. Цехи не терпели рядом с собой внецеховых ремесленников даже тогда, когда те добывали пропитание только своим трудом, старались выследить, не пользуется ли кто-нибудь из них наемной рабочей силой. Это продолжалось и после 1866 г. Цехи игнорировали закон и опирались на пункты цеховых уставов, которые во многих видах ремесел вообще запрещали работать не состоящим в цехах ремесленникам. Цеховые уставы оставались незыблемыми, и магистраты не считали нужным изменять их из-за отдельных, не записанных в цех жалобщиков. Не хотели они считаться и с экзаменами на мастера, сданными в другом городе.

Интересно сравнить статью 338 общеимперского Ремесленного устава со статьями Свода Местных Узаконений. По статье 338 для создания цеха требовалось наличие пяти мастеров. В цеховых шрагах было такое же требование, но немецкие цехи намного точнее различали понятия «мастер того же ремесла» и «сходного с ним мастерства». Общие уставы, которые предназначались для всех цеховых мастеров, подмастерьев и учеников одного города в Прибалтике, обязательно определяли область и границы деятельности отдельных цехов. С давних времен было известно, какие изделия, каким орудием труда, из какого материала или сырья мог изготавливать ремесленник определенного цеха. Эти предписания сохранились и в середине XIX в. Область работ (*Arbeitsgebiete*) была строго очерчена для каждого ремесла. Изданный в 1865 г., т. е. еще при обязательности и полновластии цеховой системы, «Устав цеховых мастеров, подмастерьев и учеников города Дерпта»³⁷ строго разграничивает 46 цеховых ремесел, а также 15 внецеховых, родственных (*zunftverwandte*). Данный устав хорошо характеризует структуру цеховой системы. Понятия о работе ремесленников, границах деятельности определенного ремесла и праве изготовления того или иного изделия очень различались в России и в Эстонии. Если в России кузнец был, выражаясь современным языком, мастером широкого профиля — делал подковы, подковывал лошадей, ковал серпы, ножи, топоры, ободья и полозья, словом, делал очень разные изделия из железа, то в Эстонии эта специальность дробилась на ряд узких. Например, *Großschmiede* — кузнецы, изготавливающие более грубые изделия из железа, — подковы, ободья, полозья. Все остальное им делать запрещалось. *Zeugschmiede* — кузнецы, изготавливающие домашнюю железную утварь, инструменты для ремесленников, исключая цирюльников. *Messerschmiede* — кузнецы, изготавливающие ножи более утонченной и точной выделки (*feine Messer*), а также вилки. К тому же эти кузнецы имели право изготавливать хирургические инструменты и, видимо, инструменты цирюльника. *Anker-*

³⁶ ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 38, д. 991, л. 2.

³⁷ *Schragen für die Gewerksmeister, Geselle und Lehrlinge in der Stadt Dorpat. Dorpat, 1865.*

schmiede — кузнецы, изготавливающие якоря, железные гвозди и болты для кораблей. Nadler — изготовители игл и других изделий из неценного металла, им же разрешались работы, связанные с пайкой. Кроме того, были специалисты по обработке металлов — медники (Kupferschmiede), жестянщики (Klempner). Опять же жестянщикам не дозволялось использовать медные листы (Kupferbleck), а только луженые (Weißbleck) и оцинкованные (Zinkbleck). Медники, наоборот, могли использовать только медные листы и т. д.

Ремесленники одной специальности объединялись в цех и строго следили за тем, чтобы кто-нибудь из соседнего цеха не занимался их работой. Так же точно распределялись сферы деятельности и у остальных ремесленников — столяров, хлебников и булочников, изготовителей разного рода инструментов и т. д. Сформировавшаяся в средневековье система четкого разделения труда обеспечивала цеховым ремесленникам работу, не позволяла ремеслу выходить за рамки определенного объема и ассортимента продукции, использовать новые технические приемы и наборы инструментов, которые могли бы резко поднять производительность труда отдельных ремесленников. Экономическая политика цехов была обусловлена повсеместным господством натурального хозяйства, свойственной ему ограниченностью обмена, узостью рынка и была направлена против общего расширения производства.

В уставе 1865 г. перечислялись, кроме давно определившихся в цеха классических ремесел, еще 15 «родственных» (zunftverwandte), уже прочно вошедших в быт. Но и их границы деятельности строго определялись. Это были новые ремесленные профессии: механики и оптики, литографы, граверы и изготовители печатей, резчики по дереву, позолотчики и изготовители гипсовых орнаментов и фигур, кровельщики, мостильщики, корабельные плотники, мыловары, свечники, кондитеры, ткачи, красильщики, обработчики тканей, изготовители изделий из резины и гуттаперчи. В столице относились к такому дроблению ремесел отрицательно³⁸. И тем не менее это дробление оставалось в силе и впредь.

При разборе дел в Сенате часто возникали разногласия, в частности из-за прав на подрядные работы. Цехи претендовали если не на монопольное, то на предпочтительное право их ремесленников перед внецеховыми³⁹. Здесь опять же вступали в противоречие законы общеимперские и местные. Цеховые суды обычно присуждали подрядные работы цеховым ремесленникам, но уже городские магистраты, а тем более губернские правления, генерал-губернатор, министр внутренних дел и Сенат в основном находили, что работы не могут быть вверены только цехам «по разнородности и новизне производимых изделий»⁴⁰.

А тем временем все чаще и чаще появлялись новые ремесла, которые уже было невозможно отнести к конкретным Arbeitsgebiete: снесение и выравнивание городских крепостных валов, засыпка рвов, застройка новых улиц, сооружение каменных мостов и т. д. Развитие технических приемов, необходимость проведения новых по существу работ ставило под угрозу привилегированное положение цеховых ремесленников.

Вышеназванные, точно определенные области деятельности ремесел соблюдались очень долго, стали традиционными. Это доказывает перепись 1881 г., где раздел «Ремесло» представлен 75 названиями ремесел. А с упразднения цеховых привилегий прошло к тому времени уже 15 лет. С 1891 г. списки отдельных ремесел стали приводиться в «Обзорах по губернии» ежегодно, но они заметно укорачивались. В 1891 г. в Таллинне отмечается 39 ремесел, в том числе такие, как типограф, монументщик,

³⁸ ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 37, д. 690, л. 48.

³⁹ ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 37, д. 2412, л. 8—10.

⁴⁰ ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 37, д. 2331, л. 3.

механик; в 1892 г. — 39 ремесел; в 1893 г. — 53 ремесла (но 23 цеха!); в 1894 г. — 53 ремесла. По Таллинну известно, что в 1889 г. здесь был 21 цех⁴¹, в 1893 г. — 23 цеха, в 1899 г. — 22 цеха⁴².

В отличие от статей 342 и 343 Ремесленного устава 1879 г. в местных ремесленных шрагах не было речи о временных цеховых. Записанные в цехи ремесленники становились цеховыми. Поскольку общеимперское ремесленное законодательство разделяло всех на временноцеховых и на вечноцеховых, то и по этому вопросу возникали споры. А именно: как относиться к прибывшим из других городов временноцеховым, особенно к подмастерьям, которые, выдержав экзамен, получали право в течение года или нескольких лет работать самостоятельно. Желание таких подмастерьев-мастеров перебраться на работу в Таллинн, неизменно наталкивалось на сопротивление местных цехов.

Мещане, крестьяне, разночинцы и иностранцы порой добивались разрешения начальства и открывали мастерские (уже мелкопромышленного типа), не имея к цеху никакого отношения. Иногородние ремесленники вызывали протест со стороны местных цеховых именно тем, что (по ст. 431) представляли свои письменные свидетельства из других городов и начинали работать, когда цех по каким-нибудь причинам не хотел их принимать. Дело особенно усложнялось, когда ремесленник работал в одиночку или только со своей семьей. Статья 441 не разрешала ему лишь называться мастером, а работать он мог. Но трудно было проследить, какая у него рабочая сила, куда он сбывает товар, какую имеет рекламу.

По статье 491 помещики в селениях, им принадлежащих, могли «заводить ремесла». Могли заниматься ремеслом и дворяне, и купцы без записи в гильдию. В 1860 г. таллиннский столярный цех пожаловался в Сенат на дозволение генерал-губернатора барону Унгерн-Штернбергу содержать столярную мастерскую «в подрыв цеховым ремесленникам»⁴³. Сенат утвердил решение генерал-губернатора именно на основании местных законов.

В 1878 г. в Эстонии ввели новое Городовое положение. Но опять же касательно ремесленников мало что изменилось. «Ревельский листок» писал по этому поводу: «... нельзя не признать весьма печального факта: наша Городская Дума пожелала влить новое вино в старые меха. Что выйдет из этого, трудно предвидеть, но признаемся, как-то не верится, чтобы влияние нового духа, пронизывающее Городовое положение, могло сказываться в действиях новых городских учреждений, наполненных исключительно людьми старой закалки, воспитанными, выросшими и почти состарившимися в понятиях глухой, давно отжившей старины»⁴⁴.

Городовое положение и приложение к нему нужно было согласовать с соответствующими правилами и законами Свода Местных Уставов. По этому вопросу были опубликованы «Предположения и соображения по предмету применения положения к Городовому положению 1870 года по городам прибалтийских губерний». В названном документе было отмечено: «Существующие в прибалтийских губерниях сословные учреждения оставлены без изменения... Существующее там ремесленное устройство на основании ст. 3 Высочайшего повеления от 26 марта 1877 года должно остаться в нынешнем положении... Большая часть правил касательно внутреннего управления ремесленных купеческих и цеховых обществ применению к городам сего края не подлежит»⁴⁵.

⁴¹ Центральный Таллиннский государственный архив (ЦТГА), ф. 195, оп. 2, д. 166, л. 3.

⁴² Там же, л. 18, 49.

⁴³ ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 37, д. 2333, л. 3.

⁴⁴ Ревельский листок, 1878, 16 февр.

⁴⁵ ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 38, д. 1839, л. 4—20.

В 1883 г. хозяйственный департамент Министерства внутренних дел составил отзыв о предложении правительства совершенно и повсеместно отменить цеховое устройство и упразднить ремесленное сословие в городских поселениях. Частично это и старались сделать, но в переизданном в 1893 г. Уставе о промышленности статьи о цеховом устройстве были оставлены в силе.

Таким образом, цехи так и не были упразднены, хотя об этом говорилось, писалось, обсуждалось на протяжении всей второй половины XIX в. Вместе с тем они не подвергались и реформе, которая сделала бы их более приспособленными к новым экономическим условиям. Продолжалось медленное вырождение сословно-цеховой организации.

В 1885 г. сенатору Манассейну было поручено пересмотреть Свод Местных Узаконений. «Новое время» писало об этом: «Благодаря стараниям остзейских юристов их Свод Местных Узаконений обратился в своего рода буфер для ограждения средневековых порядков этого края от реформ, требуемых условиями времени и государственными целями. Надо надеяться, что с пересмотром Свода этот буфер упразднится»⁴⁶. Буфер все-таки остался. «Современные Известия» писали в 1887 г. о царящих в городских управах Эстляндской губернии самоуправстве и беззаконии. Газета сетовала на безнаказанность немецких управителей в городских управах⁴⁷.

В 1889 г. в связи с судебной реформой городские магистраты упразднили. Положение ремесленников Эстонии стало еще более неопределенным и свободным. Упразднили и цеховой суд, и статус цеховых попечителей. Если до 1889 г. какой-то элементарный контроль за деятельностью ремесленников и положением ремесла в губернских городах все-таки существовал, и магистрат просматривал, утверждал или изменял уставы, разбирал жалобы, устанавливал порядок, опираясь на старые законы и т. д., то после 1889 г. надзор за ремесленниками практически прекратился, так как функции этих упраздненных учреждений не были возложены ни на какой другой определенный орган.

Из-за отсутствия надзора в самих цехах ослабла дисциплина. Цеховые мастера не находили больше защиты в случае нарушений старинных цеховых уставов со стороны подмастерьев и учеников. Внецеховые ремесленники стали беспрепятственно присваивать себе те преимущества, которые раньше законы предоставляли лишь цеховым ремесленникам. Они называли себя мастерами, держали подмастерьев и учеников, имели вывески ремесла. Поэтому год за годом цеховые мастера теряли интерес к добросовестной выучке учеников и подмастерьев. Они использовали последних как даровую или дешевую рабочую силу. Подмастерья нередко жаловались, что мастера оставляют их недоучками, не выдают тайн мастерства, видя в их лице конкурентов⁴⁸. Подмастерья и ученики платили той же монетой — не утруждали себя отбыванием полного срока учебы или подмастерской выучки, уходили, часто предпочитая внецехового мастера цеховому. Внецеховые мастера не были связаны никакими уставами, правилами, контролем со стороны цеха и, разумеется, жизнь подмастерьев и учеников под их началом была намного легче и привольнее.

31 августа 1894 г. Ревельская Городская Дума назначила особую комиссию для рассмотрения ремесленного вопроса в городе, в частности, для рассмотрения составленного Эстляндским Губернским Правлением нового проекта устава ремесленных цехов города Ревеля. Комиссия докладывала думе по этому поводу: «... подмастерья и ученики цеховых мастеров, когда считают себя стесненными исполнением цеховых правил,

⁴⁶ ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 38, д. 1839, л. 129.

⁴⁷ ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 38, д. 1837, л. 168.

⁴⁸ ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 37, д. 1451, л. 18.

ради большей свободы предпочитают перейти на службу к внецеховым ремесленникам, где они не только не изучают основательно ремесла, но и нередко предаются распутной жизни. Или же, не получив еще достаточного обучения в своем ремесле, начинают работать самостоятельно на свой счет, конечно в ущерб подвергавшимся испытанию цеховым мастерам и не менее самой публике»⁴⁹. По мнению комиссии, все это очень плохо влияет не только на качество изделий, но и на нравственность подмастерьев и учеников. «Нисходящее направление ремесла состоит в прямой зависимости от ослабления надзора за ремесленным сословием»⁵⁰.

Бесконтрольное состояние ремесла тяжело переживали и сами ремесленники. Ведь под прямой удар ставилась экономическая сторона производства: появление множества конкурентов-самоучек или полувыучившихся ремесленников и их некачественные или не совсем качественные, но все же находящие сбыт изделия снижали цены, заполняли рынок, существенно убавляя заработки выучившихся ремесленников, а также нравственно разлагали учившихся.

Было предусмотрено учреждение Городской Ремесленной Комиссии, в компетенцию которой входил полный и общий надзор за цехами, за исключением дополнения и изменения цеховых уставов. В цеховые уставы мог вносить изменения только один орган — Губернское Правление. Опять восстанавливался статус попечителя цеха. Комиссия предлагала в свою очередь:

1) не приобретающему звания какого-либо мастерства мастеру запретить называть себя мастером того ремесла и иметь подмастерьев и учеников;

2) запретить держать мастеру в работе подмастерьев и учеников, которые не имеют дозволения того цеха, которому мастер подчиняется.

В 1897 г. губернатор Эстляндии заявил Ревельскому Городскому Голове, что новый устав для ремесленников города Ревеля «утвержден быть не может, ввиду чего впредь до изменения нового устава следует руководствоваться уже существующим уставом»⁵¹. Городская Управа опротестовала это решение как не имеющее правовых оснований, а между тем «существующий устав, по упразднению прежних судебных установлений в нашем городе, не соответствует более ни современным требованиям, ни новым судебным установлениям, почему ремесленные цехи в настоящее время находятся в крайне безвыходном положении, тем более, что во многих других Балтийских городах уже приведены в действие ремесленные уставы, подобные составленному Думою уставу»⁵². Губернатор отвечал, что решение этого утверждения входит в его компетенцию⁵³.

В 1897 г. было учреждено Эстонское общество помощи ремесленникам, которое, в свою очередь, старалось добиться от правления города каких-то решительных мер по осуществлению элементарного контроля за ремеслом и ремесленниками. Общество требовало создать специальную комиссию по этому вопросу, так как цехи сами не в состоянии далее развивать и регулировать ремесло, а наоборот, «слышно, что собрания цеховых ремесленников тоже твердой и распределяющей руки нуждаются»⁵⁴.

В марте 1900 г. в Петербурге состоялся I Всероссийский ремесленный съезд, созванный по инициативе Общества для содействия русской про-

⁴⁹ ЦТГА, ф. 195, оп. 2, д. 305, л. 77.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же, л. 109.

⁵² Там же, л. 110.

⁵³ Там же, л. 112.

⁵⁴ Там же, л. 119.

мышленности и торговле. Здесь, кроме практических мероприятий, относящихся к улучшению ремесленного производства, затрагивался вопрос о положении ремесленных цехов. Мнения участников разделились, и вокруг вопроса о судьбе цехов развернулась острая борьба. В выступлениях сторонников сохранения цехового устройства чувствовалась боязнь мелких ремесленников перед конкуренцией капитала, поиски спасения в своей точно регламентированной организации. Сторонники сохранения цехов требовали значительных изменений и преобразований, чтобы укрепить цеховую систему. К последним относился и докладчик из Таллинна — старшина цеха трубочистов Оклон⁵⁵. Он отмечал, что процветавшие в прежние времена ремесла и ремесленное сословие пришли в упадок. Главнейшую причину он усматривал, с одной стороны, в сильной конкуренции фабрик, а с другой — в недостаточной организации ремесленников. Оклон предлагал ввести по всей империи цехи, правда, с некоторыми изменениями, по примеру заграничных и существовавших в Прибалтике в средневековье «иннунгов» (цехов). На съезде были приняты предложения отменить разрешение купцам без записи в цех заниматься цеховыми ремеслами и запретить принимать соответствующие заказы; организовать музеи и выставки ремесленных достижений; ввести обязательность клеймения; право держать учеников предоставлять только тем мастерам, которые лично изучали ремесло и записаны в цех; отменить закон об обязательности трехлетней службы подмастерья и о необходимости достижения совершеннолетия для допущения к испытанию на мастера. Однако Всероссийский съезд ремесленников со своими резолюциями нисколько не повлиял на правительственную политику постепенной ликвидации цеховых организаций. Российская промышленность была уже подчинена крупному капиталу.

Итак, резюмируя, можно сказать следующее. Правовое положение ремесленников Эстонии во второй половине XIX в. регулировалось тремя видами законов — общеимперскими, местными и цеховыми. Ремесленники при спорах и тяжбах ссылались на все три вида.

Более приспособленным к развитию капиталистического производства было общеимперское законодательство. Законы 1852 и 1866 гг., а также дальнейшие поправки в статьях законов о ремесленниках оставляли все больше возможностей для свободной ремесленной деятельности. Проверка ремесленных и промысловых заведений проводилась поверхностно, нечасто, штрафы брали маленькие. Статьи ремесленных уставов давали возможность толковать их довольно свободно. Ремесленники-предприниматели, а также мастера-одиночки старались опираться именно на общеимперские законы. На них же опирались и подмастерья, потерявшие надежду получить бумаги мастера, но старавшиеся как можно скорее начать зарабатывать на хлеб.

Местные законы основывались на традициях и обычаях и были намного консервативнее. Свод Местных Узаконений Губерний Остзейских в части ремесленников не изменялся. Так как он подводил ремесленников под власть магистрата, то до 1889 г. разные вопросы, касающиеся ремесла, могли еще решаться под диктовку цеховых мастеров, но тоже далеко не всегда, поскольку в законах было много противоречий. С упразднением городских магистратов ремесленники лишились защиты местной власти и оказались предоставленными самим себе. Их регистрация проводилась уже по категориям: самостоятельный — несамостоятельный, хозяин — работник.

В повседневной жизни ремесленники по-прежнему в основном следовали традициям, сложившимся в период цеховой системы. Особенно это касается выучки. Единого регламента для ремесленников так до конца

⁵⁵ Труды Всероссийского съезда по ремесленной промышленности, II. Пб., 1900, 146.

века и не сумели выработать. Ремесло считалось уже отжившим свое время этапом промышленного развития и не заслуживающим большого внимания.

Изучение правовых норм для разных категорий ремесленников на протяжении второй половины XIX в. позволило лучше и глубже охарактеризовать основные моменты их социально-экономического положения, понять линию поведения ремесленника-предпринимателя или работающего по найму в конкретной жизненной ситуации; показывает, как из-за неточности и возможности свободного толкования статей законов ремесленники в течение исследуемого периода попадали во все большую зависимость от экономического спроса.

Представил Ю. Какх

*Институт истории
Академии наук Эстонской ССР*

Поступила в редакцию
29/XII 1988

Maria TILK

RIIKLIK SEADUSANDLUS JA KÄSITÖÖLISTE TSUNFTIÕIGUSED EESTIS 19. SAJANDI TEISEL POOLEL

Eestis oli 19. sajandi teisel poolel kolm käsitöölisi puudutavat eri tüüpi seaduste kogumit: üleimpeeriumilised ja Balti erikorra seadused ning tsunftide põhikirjad. Käsitöölise olukorra tundmaõppimisel on tähtsad kõik kolm, sest tegelikus igapäevaelus otsisid käsitöölised abi kõigist kolmest liigist.

Üleimpeeriumilistele seadustele püüdsid toetuda eelkõige sellid ja tsunftivälised meistrid, sest need seadused lubasid tootmise laiendamist, suvalise arvu abiliste pidamist, töötamist ilma mestripaberiteta ja muud. Meistriks saanud käsitöölised toetusid aga Balti erikorra seadustele ja ka tsunfti põhikirjadele, püüdes nii vähendada konkurentsi ja tõrjuda ka madalakvaliteedilist toodangut.

Tähtsamad pöörded käsitöölise elus olid 1852. aasta üleimpeeriumiline seadus, mis lubas igal soovijal tegelda käsitööga (ilma abilisteta), seejärel ainult Balti kubermangude suhtes rakendatud 1866. aasta seadus tsunftisunduse kaotamise kohta ja lõpuks seadus linnamagistraatide kaotamise kohta 1889. aastal. Viimane jättis käsitöölised kui linnaelanike kategooria hoopiski ilma alalise kontrollorganist. Käsitöö oli valitsusringkondade arvates oma elu äraelanud ja tähtsuse kaotanud tootmise vorm ega väärinud kiiresti areneva kapitalistliku tööstuse kõrval eritähelepanu.

Tsunftisunduse kaotamine ja käsitöölise omapead jätmine tõid endaga kaasa käsitöötoodete kvaliteedi kiire ja märgatava languse. Tsunftimeister muutus käsitöökoja omanikuks-ettevõtjaks või palgaliseks kõrgelt kvalifitseeritud oskustööliseks ning sellidest ja õpipoistest sai palgaline tööjõud. Käsitöö jäi sajandi lõpuni traditsioonide tugeva mõju alla, kuid samal ajal allus ka üha rohkem areneva kapitalistliku tööstuse nõudmistele. Enam ei registreeritud käsitöölisi, vaid väikeettevõtteid koos nendes töötavate tööliste arvuga.

*Eesti NSV Teaduste Akadeemia
Ajaloos Instituut*

Toimetusse saanud
29. XII 1988

Maria TILK

DIE STAATLICHE GESETZGEBUNG UND DAS ZUNFTRECHT DER HANDWERKER IN DER ZWEITEN HÄLFTE DES 19. JAHRHUNDERTS IN ESTLAND

In der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts waren in Estland dreierlei Gesetze gültig — die allrussischen Gesetze des Kaiserreichs und diejenigen der Baltischen Sonderordnung sowie die Satzungen der Zünfte. Für die Untersuchung der Lage der Handwerker sind sie gleichermaßen von Bedeutung, denn sie alle wurden gebraucht, je nachdem, was gerade nützlicher schien. Das wird durch zahlreiche Gerichtsakten bestätigt.

Hinsichtlich der sich entwickelnden kapitalistischen Produktion waren die allrussischen Gesetze, trotz vieler Widersprüche, die sie enthielten, am fortschrittlichsten. Die Baltische Sonderordnung verlangte, daß die Handwerker und das Handwerk dem Ma-

gistrat unterstellt wären. Der Zunftschrage wurde in der Regel vom Magistrat beglaubigt und in Streitfragen ging man davon aus. Die Baltische Sonderordnung war gegenüber den Handwerkern konservativer als die allrussischen Gesetze. Das Zunftwesen entstand im baltischen Gebiet bedeutend früher als in Rußland und entwickelte sich nach dem westeuropäischen Muster. Das ganze alltägliche Leben der Handwerker (vom Lehrling an bis zur Witwe des Handwerksmeisters) wurde durch die Zunftgesetze bestimmt und geregelt. So verlief der Alltag des Handwerkers im Rahmen alter Traditionen und Bräuche.

An die allrussischen Gesetze hielten sich vor allem die Gesellen und unzünftigen Meister, weil diese Gesetze eine Erweiterung der Produktion, eine unbegrenzte Zahl von Hilfskräften, das Arbeiten ohne Meisterprüfung u. ä. m. zuließen. Die Handwerker mit Meisterpapieren dagegen stützten sich auf die Gesetze der Baltischen Sonderordnung und kämpften gegen die Konkurrenz.

Ein wichtiger Wendepunkt im Leben der Handwerker war das Gesetz von 1852, das für jeden Interessenten die handwerkliche Tätigkeit zuließ (ohne Hilfskräfte freilich). 1866 folgte ein Gesetz, mit dem die Zunftpflicht aufgehoben wurde, und zum Schluß wurden 1889 auch noch die Magistrate liquidiert. Das Handwerk als eine veraltete Produktionsform hatte sich überlebt, und sollte nach der Meinung der Regierungskreise der sich schnell entwickelnden kapitalistischen Produktion ausweichen.

Die Auflösung der Zunftpflicht führte zu einem schnellen und beträchtlichen Rückgang der Qualität der handwerklichen Erzeugnisse. Die zünftigen Meister protestierten dagegen, und sagten die Ausbildung der Lehrlinge und Gesellen ab, weil diese sich oft vertragsbrüchig zu den unzünftigen Meistern begaben, bei denen die Schulung oberflächlich und ungenügend war. Die Gesellen dagegen beklagten sich darüber, daß die Meister aus Angst vor Konkurrenz ihre Kenntnisse nicht vermitteln und Amtsgeheimnisse veraten wollten. Am Ende des Jahrhunderts wurden sogar neue Zünfte gegründet, die jedoch die Traditionen der alten Zünfte befolgten.

Das Handwerk blieb bis zum Ende des Jahrhunderts unter dem starken Einfluß der Traditionen und paßte sich zugleich immer mehr den Anforderungen der kapitalistischen Produktion an. Die Handwerker wurden nicht mehr registriert, sondern die Kleinunternehmen und die Zahl der dort beschäftigten Arbeiter.

*Institut für Geschichtsforschung
der Akademie der Wissenschaften
der Estnischen SSR*

Eingegangen
am 29. Dez. 1988